

Жидкая пища

“Владимир Высоцкий. Смерть поэта” на “России”

В культовом телевизионном фильме М.Козакова “Покровские ворота” есть такая сцена – 60-е годы, Чистые пруды, солнечный осенний день, звучит меланхолическая музыка, но аллее, заваленной палой листвой, гуляют маленькие дети, один из малышей одет в куртку с надписью “Москва-80”.

Это и есть тот самый “ляп по Фрейду”, который ни в коей мере не умаляет достоинств картины Михаила Михайловича, но рождает особые, глубоко личностные ассоциации, на которые способен человек, не понаслышке знающий, что такое улетающий в небо огромный надувной медведь.

Названий этому теперь уже мифологическому времени было придумано немало – “пик застоя”, “начало конца” и тому подобное. Нет, внешне тогда еще ничего не изменилось – тот же бодрый и целующийся со всеми подряд вождь, та же агрессивная риторика и самодельная гордость перед лицом мирового империализма и милитаризма, то же недреманное око спецслужб, та же шагистика на Красной площади. А еще первые гробы из ДРА (Демократической Республики Афганистан).

Это теперь, с высоты прожитых лет, мы можем сказать, что ждать-то тогда оставалось совсем немного, какой-нибудь десяток лет (против минувших семи десятков это сущая ерунда). Но, увы, для многих этот рубеж стал непреодолимым, держаться дальше сил больше не осталось.

В то время ушли Олег Даль, Аркадий Северный, Владимир Высоцкий.

25-летие со дня смерти последнего было отмечено на прошлой неделе по известной схеме – мемориальные концерты, интервью с людьми, “завтрашними и дружившими”, и, конечно же, документальный фильм.

На сей раз на телеканале “Россия” прошел премьерный показ картины “Владимир Высоцкий. Смерть поэта” В.Манского и О.Дарфи. При этом следует оговориться, что телевизионной версии должен предшествовать показ “бесцензурного” варианта в Малом зале Дома кино (в итоге он не состоялся).

Таким образом, еще до эфира на “России” стало ясно, что господа Манский и Дарфи решили “развенчать сусальный, оторванный от трагической реальности” образ поэта, который, по мысли авторов картины, создают в первую очередь наследники Владимира Семеновича.

Что же удалось сделать в резуль-

В.Высоцкий

тате этого благородного порыва, зритель сумел убедиться, посмотрев уже “цензурированный фильм” в традиционной документальной линейке на “России” в 23.20 25 июля.

Откровенно говоря, изначальный оппозиционный посыл при создании подобного рода мемориального аудиовизуального продукта несколько насторожил, в том смысле, что годовщина смерти человека все-таки не самый удачный повод для выяснения отношений между людьми близкими и приближенными, между друзьями и знакомыми, между родственниками и теми, “кто мимо про-

ходил”. А в результате вышло именно так, потому что вольно или невольно все окружение Высоцкого было поделено на тех, кто отказался принимать участие в фильме, и тех, кто участие в нем все-таки принял. В народе это называется “свести лбами”. Со стороны-то это, может быть, наблюдать кому-то и интересно, но вот каково героям подобного рода картины? Вопрос, на который создатели “Смерти поэта”, надо думать, и не предполагали отвечать.

Итак, в числе приглашенных оказались В.Аксенов, М.Шемакин, Ю.Любимов, В.Янкович, В.Шехтман,

Г.Падва, К.Афанасьева. Их синхроны, как и было обещано в аннотации к фильму, распространены в Доме кино, выглядели “жестко и откровенно”. Только вот звучали они на удивление однообразно и узнаваемо – да, пил, да, страдал от наркозависимости, да, мог быть безумен и в то же время царственно благороден. Тут вновь вспоминаются “Покровские ворота” и знаменитые слова, сказанные Аркадием Велюровым: “А кто не пьет? Покажи!”

Но, господа, все это известно уже лет так тридцать, и, смею утверждать, не за это имя Высоцкого помнят и любят по сей день!

С другой же стороны, на патографию (анализ патологий в хронологическом порядке) как специфический жанр документального свидетельства авторы “Смерти поэта” тоже не потянули, потому как это требует особых медицинских полномочий и навыков. И в результате получился весьма претенциозный и натужный разговор о “некоем Владимире Высоцком”, который впадал в запой, колосся и боялся врачей. Чем он занимался в остальное от упомянутых выше скорбных мероприятий время, так и осталось за кадром.

А ведь соотечественники, родившиеся в середине 80-х, вполне могут и не знать того, что это был великий театральный актер, самобытный киноактер, поэт и музыкант...

Все дело в том, что Владимир Семенович умирал не от водки и героина, он умирал от духоты (“Спасите наши души, мы умираем от удушья”), от осознания своей маргинальности и ненужности в стране, более известной по аббревиатуре СССР. От этого умер Олег Даль, от этого раньше не стало Леонида Енигбарова, от этого в изгнании скончался Андрей Тарковский.

Однако данной темы господа Манский и Дарфи “благоразумно” не коснулись, как бы не заметили ее, так и оставив боль поэта и актера, а также тех, кто помнил и знал его по 70-м, где-то на задворках их более чем годичной творческой кухни.

А в результате получилось вполне острое, но достаточно жидкое аудиовизуальное “угощение”, о котором, впрочем, забываешь вскоре после его принятия внутрь. То есть после выключения телевизора.

Что само по себе не так уж и плохо...

Егор ОДИНЦОВ

Фото Вячеслава ТАРАСЕНКО